

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

ИРОНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: УРОКИ СТРАНСТВИЙ МЕНДЕСА ПИНТО*

Д.К. Лаурсен

Кафедра истории политических учений
Калифорнийский университет
г. Риверсайд, Калифорния, США

«Странствия» Фернана Мендеса Пинто рассматриваются автором с точки зрения «интерпретативной истории». Оценки португальским путешественником азиатов и азиатского образа жизни изучаются исходя из характеристики взглядов, убеждений самого Мендеса Пинто. Кто он: иезуит, августинианец, искатель приключений, хитроумный обманщик... В рамках дискуссии с такими исследователями творчества Мендеса Пинто, как Р. Кац и Р. Рорти, автор обнаруживает в книге Пинто сатиру и иронию, «препарирует» его труд с позиций защиты толерантности.

Ключевые слова: Фернан Мендес Пинто, сатира, ирония, толерантность, странствия.

Рассмотрим работу, касающиеся ее научные утверждения и предложение относительно политической позиции, которую мы, как интеллектуалы, должны занять. Работа — это «Странствия» (*Peregrinaçam*) Фернана Мендеса Пинто, впервые опубликованная в 1614 г. (1). Утверждение — что текст Мендеса Пинто является «защитой толерантности». А предложение — это заявление философа Ричарда Рорти о том, что нам следует быть современными либералами в политике, но исповедовать постмодернистскую иронию в области интеллекту-

альной жизни (2). Рассмотренные во взаимосвязи, эти темы могут дать нам возможность внести свой вклад в то, что можно было бы назвать «наукой об иронии», в интерпретацию колониализма и в оценку ранних теорий толерантности.

Эти проблемы являются также и причиной массы затруднений. Одно из них касается жанров сатиры и иронии в сложных текстах. Если некий текст столь сложен, что может одновременно означать все и ничего, и если его ирония и сатира столь тонки, что читатель не может быть уверен в том, что это сатира и ирония

вообще, то как можно говорить о том, что такой текст и в самом деле является защитой толерантности?

Вторая трудность заключается в статусе литературы о путешествиях как некоей примиряющей силы в истории европейских идей. С одной стороны, нам говорят, что путешествия расширяют границы сознания, и что литература о путешествиях вносит свой вклад в развитие толерантности в Европе. С другой стороны, нам говорят и о том, что эта же литература ведет и к «Ориентализму» в том смысле, в каком его понимал Эдвард Саид (3). Как можно сказать, какое из этих утверждений будет соответствовать тому или иному конкретному тексту?

Третья трудность состоит в том, как точнее определить временной ориентир того или иного текста о толерантности. Тот, который мы станем рассматривать здесь, с одной стороны, связан с античной сатирой и Августином. С другой, в нем усматриваются истоки политической теории иронии двадцатого века от Томаса Манна до Ричарда Рорти. Таким образом, он обращен вперед или назад? Он отражает только эпоху его создания, либо он сугубо современный, либо постмодернистский, либо универсальный? А может ли он быть всем этим одновременно?

Четвертая трудность заключается в выявлении значения сатиры и иронии для политики. Если сатира и ирония автора направлены практически против всего, то что это означает для политической мысли и действия? Это, в свою очередь — часть более общего вопроса о широком значении всеобъемлющего августинианского пессимизма или даже нигилизма для политической теории.

Peregrinaçam было переведено на английский как *The Travels of Mendes Pinto* («Путешествия Мендеса Пинто»), и, как мы увидим, и в поругальском, и в английском заглавиях уже есть ирония (4). 1537—1558 гг. автор провел в поисках фортуны в Азии. После того как ему в качестве награды за свою службу не удалось получить синекуру от короля, он поселился в небольшом имении, завел семью и где-то между 1569 и 1578 гг. написал книгу.

Она состоит из 226 глав: некоторые меньше, чем страница, другие же доходят до полудюжины полноценных страниц. В них описываются приключения автора — моряка, солдата и миссионера — от скитаний по территории нынешней Эфиопии до походов в Индии, Бирме, Юго-Восточной Азии, Китае, Японии и Монголии. ...На горизонте появляется судно, происходит сражение, соратники автора получают богатую добычу или же становятся военнопленными, в разыгравшемся шторме их нагруженный награбленным корабль тонет, но сами они, потерпев кораблекрушение, остаются в живых для того, чтобы однажды вновь вступить в бой. На суше они захватывают богатый и важный город, и эта же горстка искателей приключений грабит его... Автор говорит нам, что он написал эту книгу для своих детей, чтобы они знали о том, что он тринадцать раз попадал в плен, семнадцать раз был продан в рабство, много раз приобретал и терял свое состояние (гл. 1).

Высказывалось предположение, что Мендес Пинто при жизни не публиковал своей книги из-за боязни, что наказание за ее радикальные выводы падет на его семью. Он умер в 1583 г., оставив рукопись благотворительному заведению для

падших женщин в Лиссабоне, которое в 1614 г. испросило дозволения на ее публикацию. Она была отредактирована королевским летописцем и опубликована с одобрения Инквизиции в 1614 г. Впоследствии эту книгу, соперничавшую в XVII столетии по популярности с *Дон Кихотом*, перевели на многие иностранные языки (5).

Ребекка Кац, редактор единственного на сегодняшний день критического издания книги в английской версии (1989), пишет, что «это произведение исполнено едкой сатиры, с которой автор нападает на все религиозные и политические институты Португалии XVI века» и что оно содержит в себе «требование религиозной толерантности как моральное предписание Господа» (6). Оно действительно содержит все то, на что указывает Кац, но кроме того, оно обрушивается на все религиозные и политические институты любого азиатского царства, и, среди прочих требований, часто настаивает на необходимости португальского завоевания обширных азиатских территорий ради водворения там истинной религии. Отсюда и упоминавшаяся выше трудность. Что же на самом деле пытается сделать Мендес Пинто?

Часть ответа на этот вопрос дает нам сам жанр. Книга Мендеса Пинто вовсе не является коротким философским трактатом или памфлетом с заголовком типа «Призыв к толерантности» и простой прямой информацией для читателя. Ученые знают, что даже такие трактаты могут быть обманчиво сложными: одним из наиболее показательных в этом смысле является «Послание о веротерпимости» Дж. Локка, твердо стоящее против толерантности по отношению к католикам и атеистам — заметим, кстати, что оно вовсе не называется «Посланием в защиту веротерпимости» — и бывшее предметом многих научных дискуссий (7). В данном же случае мы имеем объемный сложный текст, что значительно увеличивает количество сложностей. Произведение Мендеса Пинто принадлежит жанру, к которому относятся *Гаргантюа и Патагрюэль* Рабле (1532—1546), *Опыты* Монтеня (1580, 1588, 1592), *Дон Кихот* Сервантеса (1604, 1615), *Цветы сливы в золотой вазе* Ланлиньского насмешника (конец XVI в., опубликован в 1617 г.) (8). Это — жанр больших сложных текстов, известных трудностью и противоречивостью интерпретаций.

Достаточной причиной для изучения этого жанра является уже то, что он, быть может, оказал большее реальное влияние на зарождение толерантности, нежели все философские трактаты, вместе взятые. Если судить хотя бы по количеству их читателей, весьма вероятно, что эти сложные тексты — и текст Мендеса Пинто в особенности — оказали более заметное воздействие, чем что-либо, за исключением разве что совокупного воздействия умиротворительных религиозных произведений писателей вроде Менно Симонса, Эпископия, Леонарда Бушера и многих других (9). В одном только XVII веке вышло 19 изданий книги Мендеса Пинто на шести языках (10).

Сложность их изучения заключается и в том, что авторы этих многоплановых работ, очевидно, пытались не просто донести до читателя какую-то одно простое размышление. Поэтому вряд ли справедливо утверждение Кац о том, что «ос-

новное намерение Мендеса Пинто — и в нем он непоколебим — создать последовательную моральную философию» (11). Скорее, как мы увидим это ниже, он оставил нам множество разных размышлений.

Множественность значений этих сложных текстов перекрывается множественностью риторических и художественных стилей, с помощью которых выражают себя авторы. Кац пишет, что нам следует рассматривать труд Мендеса Пинто как художественное произведение (12), хотя, конечно, нельзя расценивать это утверждение как прямолинейное. С точки зрения Шиллера, такие авторы, как Рабле, Эразм, Монтень, Ланлиньский насмешник, Сервантес и Мендес Пинто были не наивными, а, скорее, сентиментальными писателями, то есть хорошо осознавали то, как они используют язык и искусство в целях манипулирования читателями (13). Для читателя же это означает, что надо понять не только то, что они хотели сказать, но и то, какими способами они пытались это сделать и как это повлияло на смысл текста. Попытаемся оценить эти четыре варианта понимания произведения Мендеса Пинто.

1. Два способа не замечать сатиру и иронию

Эту книгу можно прочитать довольно поверхностно, сделав это как минимум двумя способами. Например, некоторые агрессивные патриоты, жадные торговцы или фанатически настроенные недалекие священники, возможно, видели в ней искренний призыв к португальцам завоевывать новые земли в Азии. Такие читатели должны были быть нечувствительны к сатире и иронии, лишаящих их всякой почвы под ногами.

Мендес Пинто в XVII в. приобрел известность лжеца (14). Те, кто не понимали сатиры и иронии, видели в нем сочинителя небылиц, кого-то вроде раннего Уолтера Митти или Фореста Гампа. Однако ирония здесь и состоит в том, что на самом деле его сказки об Азии удивительно точны. Современные исследователи на базе лингвистических исследований установили, что он, вероятно, и в самом деле проник в Китай так далеко, как он об этом и заявлял; что он действительно немного знал монгольский язык; и Кац отмечает, что он вполне мог быть одним из первых трех европейцев, побывавших в Японии (15).

Другим вариантом поверхностного прочтения текста Мендеса Пинто могла бы стать интерпретация его как своеобразного выражения «ориентализма», следуя теории Эдварда Саида, который понимает «ориентализм» как доминирование и власть Запада над Востоком и перестройку Востока Западом (16). Подобное прочтение «по Саиду» начиналось бы с утверждения, что азиаты представлены в книге дурно; что автор то и дело настаивает на необходимости завоевания этих земель португальцами; что азиатские религии описываются здесь как фальшивые и ложные. Однако, поскольку все это присутствует в тексте, исполненном сатиры и иронии, оно приобретает несколько иную окраску и возбуждает наши подозрения. При поверхностном прочтении привычка Мендеса Пинто подсчитывать потери, выделяя отдельно португальцев и всех прочих, погибших в том или ином столкновении, напоминает нам о существовавшем в британской прессе XIX в. обычае сообщать об инциденте, в котором погибли 100 туземцев, десять европей-

цев или один англичанин. Можно быть уверенным в том, что пресса действительно сотрудничала с «ориентализмом», но можно ли наверняка утверждать, что подобные сообщения Мендеса Пинто не ироничны?

Одно дело — объявлять, как Саид, крестовый поход против несправедливой власти, и другое — критиковать, как Мендес Пинто, всех и всяческих крестоносцев. Он ясно показывает, что азиаты склонны к «оксидентализму» (17) также, как западники — к «ориентализму»; и что если можно демонизировать одних, то точно так же этого заслуживают и другие, но все это приведет лишь к оправданию бесконечного круга насилия.

Очевидно, что только слепое следование теории Саида позволяет игнорировать тот факт, что Мендес Пинто критикует португальцев столь же или даже более жестко, чем Восток. Как утверждает Кац, многое в его книге представляет собой «сокрушительное осуждение идеологии крестовых походов, являвшейся мифологизацией жизни заморской португальской империи» (18). Как уже говорилось, Мендес Пинто сообщает нам о значительном «оксидентализме» азиатов: японцы, например, не могут удержаться от смеха при виде того, как эти варвары едят руками вместо палочек, и даже ставят пьесу, высмеивающую европейцев (гл. 223). Это можно, конечно, принимать за сатиру на западные насмешки над обычаями Востока, но это — в равной степени — и описание восточных насмешек над Западом. Ни португальцы, ни азиаты в этом произведении не являются образцами морального совершенства — никто из них не лучше и не хуже (19). Если португальцы, с одной стороны, пытаются создать империю, в рамках которой они могли бы угнетать азиатов и господствовать над ними, то, как это становится ясно почти с самого начала книги, их главный конкурент в западной Азии, султан Османской империи, сделал бы в точности то же самое, если бы только был на это способен; и то же самое сделали бы и монголы, и бирманцы — их главные соперники в Азии восточной.

Без сомнения не случаен тот факт, что сам Саид не упоминает Монтеня, Мендеса Пинто и другие сложные тексты в своей книге, поскольку он, вероятно, понимает, что всякое поверхностное прочтение этих произведений всегда порождает много проблем.

Имея в виду беспристрастность сатиры Мендеса Пинто, представляется более логичным следовать концепции Дж. Дж. Кларка, изложенной им в недавно вышедшей в свет книге «Восточное Просвещение», где он пишет о столкновении Востока и Запада, а также об их взаимном познании (20). В этом смысле, учитывая, что в некоторых случаях восхищение Востоком у Мендеса Пинто было искренним (а не сатирой), можно утверждать, что он обратил внимание западного мира на достижения Азии.

Критики типа Саида гораздо более уверенно чувствуют себя, рассуждая о произведениях вроде эпической поэмы Луиса Камонса «Лузиады» (*Os Lusíadas*), написанной в 1572 г. и прославлявшей открытие португальцами торговых путей в Индию. Камонс описывает мусульман и других азиатов в неизменно черном цвете, оправдывая крестовый поход против них (21). Но книга Мендеса Пинто

во многих отношениях является прямой противоположностью поэмы Камознса. Там, где Камознс показывает свое гуманистическое образование, ссылаясь на классические тексты, Мендес Пинто намеренно упрощает свой текст, который читается как устный рассказ, и показывает очень немногое, что выходит за рамки литературы путешествий (22). Там, где патриотически настроенный Камознс прославляет португальские завоевания на Востоке, Мендес Пинто подрывает их моральный авторитет.

Учитывая также, что произведение Камознса вышло в свет в 1572 г., тогда, когда Мендес Пинто еще работал над своим текстом, и что на первых 65 страницах английского издания его книги нет никакой сатиры, можно предположить, что он начал свой труд как простое описание путешествия, но в процессе работы перешел к осознанной сатире на *Os Lusíadas*. Если кто-то интерпретирует всю португальскую культуру XVI в. в рамках ориентализма, то текст Мендеса Пинто оказывается одним из главных исключений и контрпримеров.

2. Два способа анализировать сатиру и иронию

Еще больше усложняет дело трудность анализа основных риторических стратегий, избранных Мендесом Пинто, то есть сатиры и иронии. Простых общепринятых определений этих терминов не существует, а люди не всегда понимают всю сложность их смысла. В одном из весьма полезных исследований иронии Чосера различается семь типов иронии только одного этого автора (23). Х.У. Фоулер изобрел свою собственную классификацию юмора, остроумия, сатиры, сарказма, инвективы, иронии, цинизма, различая их по мотиву, области, методу и аудитории. По его мнению, мотивом сатиры служит стремление к исправлению других, по методу расстановки акцентов она имеет дело с нравами и поведением, будучи при этом направлена на самодовольную аудиторию. Ирония мотивируется чувством исключительности, имеет дело с утверждениями по поводу фактов посредством мистификации и направлена на внутренний круг слушателей (24). Некоторые из читателей, без сомнения, не согласятся ни с этими, ни со всеми прочими его определениями. Именно по этой причине мы рассматриваем в данной статье «сатиру и иронию» вместе, пытаясь тем самым ухватить самый широкий спектр возможных значений. Для наших целей мы можем сделать общий вывод, что сатира и ирония по-разному определяются как косвенные нападки на людей, идеи или институты; как использование пародии и фарса и как юмористические насмешки (25).

В интерпретации сатиры и иронии встречается множество парадоксов, и надо заметить, что Мендес Пинто не делает этот анализ легким. Сатира и ирония Свифта, Дефо и Вольтера по сравнению с Мендесом Пинто кажется тяжеловатой. Его же — представляются более утонченными. Во-первых, они проявляются далеко не сразу. После краткой вводной главы (должно быть, добавленной позже) первые 65 страниц книги не являются ни сатирическими, ни ироническими. Затем следует путешествие Мендеса Пинто с Антонио Фариа, которое сначала представлено как поиск справедливости против некоего убийцы (гл. 35), и Фариа то и дело

характеризуется как «любопытствующий» о делах подобного рода. Спустя 35 страниц некий «развитый не по годам ребенок» описывает самого Фариа как лицемерного убийцу (гл. 55), и становится понятно, что все «любопытство» его мотивировалось поиском добычи. Без каких-либо дальнейших объяснений на последующих страницах Фариа характеризуется как пират (гл. 56 и далее). Некоторые читатели на протяжении долгого времени будут находиться в заблуждении, пока, наконец, не поймут того, что происходит (26).

Другая тонкость проявляется в эпизоде, на который обращает внимание Кац, а именно эпизоде с татарским ханом, который просит рассказать о Португалии (гл. 122). Португальцы преувеличивают богатство своего короля и пытаются описать цели своего путешествия как предельно невинные. Татарский хан видит их насквозь и заявляет, что они, должно быть, очень жадны и несправедливы, коль столь далеко путешествуют с целью завоевания земель. Один из его чиновников добавляет, что они, должно быть, и очень бедны, иначе не забрались бы так далеко. Кац приводит этот эпизод как пример роли Мендеса Пинто в качестве лжеинженю, позволяющей ему изобличить слабости португальцев (27). Но этот отрывок влечет за собой и вопрос «*et tu?*» («и ты?» — прим. пер.), по отношению к татарскому хану. По описанию, татарский хан невероятно богат, но вместе с тем этот разговор происходит после того, как он проехал много лье, чтобы попытаться разграбить Пекин. В любом случае татары не проявляют себя с лучшей стороны, нежели португальцы (28).

Сознательная ли это сатира, и ожидал ли Мендес Пинто, что мы ее заметим? Или же это лишь случайное совпадение? Сатира может быть столь тонкой, что у нас нет вообще уверенности в том, что это сатира. Здесь можно усмотреть сатиру и в самом названии книги. «*Peregranacãm*», или «Странствия», происходит от латинского слова, обозначающего заморские путешествия. Описывая свои приключения как «заморские путешествия», Мендес Пинто избегает более реалистических заглавий, вроде «пиратства» или «охоты за сокровищами».

Один из способов анализа сатиры и иронии состоит в отыскании того, к чему автор относится серьезно. Как указывает Джон Драйден в своем «Рассуждении о начале и развитии сатиры» (1693 г.), «наисущественнейшими» свойствами римской сатиры были «бичевание порока и наставление в добродетели», поскольку «сатира, будучи поучительной, по своей природе родственна моральной философии» (29). Иначе говоря, сатирик «призван исправлять пороки и глупости своего времени, а также давать правила счастливой и добродетельной жизни» (гл. 59). По этому прочтению, сатирик должен быть иногда серьезен, или же будет утеряна вся соль сатиры, точно так же как толерантные люди должны быть интолерантны по отношению к некоторым вещам; иначе, толерантно относясь к интолерантности, они вступят в соучастие с последней. Если абсолютно все является предметом сатиры, она утрачивает свою остроту, не избирая в мире ничего особенного. Согласно такому пониманию, сатира критически относится к одному ради или в поддержку чего-то другого.

Китайская интерпретация *Цветов сливы в золотой вазе* служит подтверждением подобного понимания сатиры и иронии. Предисловие к изданию 1617 г. уве-

ряет нас, что «тот, кто читает *Цветы сливы в золотой вазе* и чувствует жалость и сострадание, является бодхисатвой; тот, кто чувствует страх — благородным мужем; тот, кто при этом чувствует радость — недалеким человеком; а тот, кто ощущает желание к подражанию — зверем» (30). В этом частном случае текст, вероятно, несет в себе некую мораль, а автор и в самом деле вполне мог к этому стремиться. Конечно, простое навешивание ярлыков вряд ли способно убедить того, кто предпочитает отыскивать сатиру и иронию вопреки желаниям автора. Так возникла целая традиция написания лицемерных морализаторских предисловий и заключений к чисто эротическим текстам вроде «Молитвенного ковра плоти» (*The Prayer-Mat of Flesh*) (31).

Если правы Драйден и китайское предисловие, то должна быть права и Кац в своем морализирующем прочтении Мендеса Пинто. Толерантность, в таком случае, вполне может следовать напрямую из его сатиры и иронии. Такой анализ, однако, был бы много более убедительным, если бы для этого имелось больше текстуальных оснований. Проблема заключается в том, что Мендес Пинто практически ничего не исключает из сферы своей сатиры и иронии. Поэтому вполне может случиться так, что он — разочаровавшийся идеалист, а не только ироничный писатель. Но идеалисты вполне могут разочароваться настолько, чтобы более уже не пытаться преобразовывать мир. Может ли такая ирония учить толерантности? Может ли она быть тем, чего хочет Рорти?

Томас Манн принес в наш век негативное прочтение иронии. Размышляя над своим неприятием как заносчивой самоуверенности западных государств, претендовавших быть представителями цивилизации во время Первой мировой войны, так и собственных слабостей Германии, — а также своих личных противоречий, Томас Манн приходит к заключению, что ирония «в любом случае весьма далека от того, чтобы активно и серьезно встать на службу идеалам и желаемому, поскольку она представляет собой совершенно личный, а не социальный этос» (32). В его понимании «ирония всегда является иронией над обеими сторонами», «лишающей вещи величественности» и «делающей их меланхоличными и умеренными» (33).

Если книга Мендеса Пинто принадлежит именно к этой традиции, она должна представлять собой скорее уединенное личное размышление, нежели попытку косвенно преподать моральные уроки. Именно поэтому он мог не желать и публикации своей рукописи. Нам представляется, что текст самой книги обосновывает именно такое прочтение.

Особенный аромат сатире Мендеса Пинто придает всегда в ней присутствующий пессимизм августианианского толка. Человек веками вне зависимости от исповедуемой им религии получает наказание за грехи. Любой человек плох. Пренебрежительное отношение к человеку как к отвратительному, эгоистичному, яростному и злему существу у Мендеса Пинто встречается постоянно. Насилие мультикультурно и мультинационально. Португальские наемники оказываются среди обеих воюющих сторон в Бирме и Сиаме; таковы же армяне, турки, греки и многочисленные азиатские народы. Предатели пересекают культурные границы и воюют против своего собственного народа. «Грабеж и проповедь» обыкно-

но встречаются вместе: мы постоянно встречаем в книге, что грабители и пираты с именем Божьим на устах совершают свои злодеяния (гл. 103). Такое августианианское отношение к человеческой природе, очевидно, является основанием для сатиры Мендеса Пинто. На земле нет ничего, что оправдывало бы ту бесчеловечность людей по отношению к своим ближним, которая изображена в его книге.

Но в таком случае сатира, как моральное поучение, была бы пустой тратой времени. Морализаторство не изменит мира. Мотивы в мире Мендеса Пинто вовсе не сложны. Они базируются в основном на жадности и славе, то есть, попросту говоря, на эгоизме. Например, говоря о благотворительности в Китае, он указывает, что она основана на «высоких доходах», гарантирующих благодеяния со стороны чиновников (гл. 199). Описывая предложения, сделанные Бирманскому властителю, «взывающие к его собственным интересам, то есть к той силе, которой никто не способен противиться» (гл. 185), он вновь опирается на свое понимание этих мотивов. Большая ложь выдается за правду, если только она отвечает интересам говорящего, и дурак тот, кто верит всему, что сказано (гл. 197). Даже о святом иезуитском миссионере, Франциске Ксавье, он говорит, что тот активно искал мученичества в конце своей жизни ради славы (гл. 215).

Был ли сам Мендес Пинто религиозен? Ответ на этот вопрос вовсе не прост. С одной стороны, он явно настроен антиклерикально. Священники всех убеждений описываются им как жадные, свирепые и несправедливые. Постоянные упоминания кровавых битв за Христа скорее всего являются сатирическими. Не слишком заботят его и теологические доказательства: после утверждения, что аргументация Франциска Ксавье, направленная против японских бонз, была «ясной и очевидной», Мендес Пинто сразу же иронично оговаривается, что она (аргументация — *О.В.*) выходит за пределы его познаний (гл. 211), а затем вновь повторяет эту мысль, по всей видимости на случай, если читатель ее пропустил (гл. 213) (34).

С другой стороны, текст насыщен гораздо большим числом религиозных утверждений августианианского толка, нежели это требовалось для прохождения цензуры. Все описываемые им религии платят по меньшей мере словесную дань заботам о бедных, и его единственной сатирой является утверждение, что на самом деле эти заботы встречаются не так уж и часто. Он никогда не упоминает о том, что сам, находясь в Азии, в течение двух лет был иезуитом, и что затем оставил этот орден (35).

Мы можем предположить, что само августианианство Мендеса Пинто было иронией или сатирой. Но если это так, то совсем не ясно, ради чего писалась эта сатира. Если греховность человека бесстыдно используется, как это показывает Мендес Пинто, для оправдания пиратства и грабежа, это не делает человека менее греховным, но, скорее, умножает силу августианианства.

Возможно также прочтение труда Мендеса Пинто как отражающего общую болезнь того времени. Известно, что в эту эпоху многие португальцы были пессимистично настроены по поводу будущего своей империи и успеха своей миссионерской деятельности (36). Возможно также, что причиной его пессимизма было его еврейское происхождение: негативное в целом отношение к его наро-

ду и то, что он был вынужден на протяжении многих лет скрывать свое происхождение (37).

Сложные тексты требуют нескольких прочтений (38). Как утверждает Сервантес в *Дон Кихоте*, один и тот же человек в разные эпохи своей жизни станет читать его книгу по-разному. Что-то подобное можно сказать и о произведении Мендеса Пинто. Если он и пытался преподать нам «моральный урок», как этого хотела бы Кац (39), то воплощение намного превзошло замысел, и он преподавал не один моральный урок. С одной стороны, многочисленные описания им убийств и жестокостей могли иметь моральное воздействие на читателя, склоняющее его к толерантности (как бы хотела Кац), но, с другой, они могли в равной степени послужить атрофированию чувствительности читателя к страданию. И незаметно для себя автор мог потерять контроль над самим смыслом своей книги. Возможно, такова цена описываемого Кац литературного искусства: искусство ради искусства может потребовать от автора вложения смыслов, под которыми он бы не подписался в чисто моральном плане.

3. Современные следствия

Мендес Пинто сам является объектом изучения для таких современных политических теоретиков, как Ф.Р. Анкерсмит и Ричард Рорти. По определению Рорти, ироничен тот, кто «готов принять случайность своих верований и желаний» и знает, что «путем смещения акцентов в оценке объекта очернить можно все что угодно» (40). Как мы видели, Мендес Пинто был мастером подобного рода «смещений». Далее, Рорти приходит к идее защиты «либеральной утопии; в которой ирония в относительном смысле становится универсальной» (41). Но эта ирония «по определению индивидуальна»; и потому «интеллектуалы были бы ироничны ... а не интеллектуалы — нет» (42). Рорти оптимистичен по поводу иронии; но, быть может, его несколько отрезвит вид Мендеса Пинто на пенсии, «пробирающегося» через сатиру и иронию к воззрению, что все сюжеты являются всего лишь повторяющимся описанием зла и не заслуживают публикации. Рорти дает нам свое собственное определение иронии, но если он только не говорит о неологизме и не имеет в виду, чтобы мы использовали этот термин вне всякой связи с иными пониманиями иронии, нам бы следовало знать немного больше о том, к чему может привести ирония.

Предположение о том, что Мендес Пинто сам никогда не публиковал своей книги, поскольку боялся, что гнев Инквизиции обрушится на его семью, теряет смысл, когда мы узнаем, что книга эта была отредактирована королевским летописцем и опубликована с разрешения Инквизиции. В этом случае логичнее выглядит предположение, что он решил, что ее публикация не будет иметь никакого смысла. Никакой урок иронии не может улучшить людей или научить их чему-либо действительно заслуживающему внимания, и потому ее следует держать при себе, как раз как и предлагает это делать Рорти. Оправдание для публикации собственной книги Рорти, возможно, состоит в том, что ее выход в свет в университетском издательстве является частным делом: ее прочитают только интеллектуалы, и она не сможет повредить «неироничным» массам (43). В единственной

последующей своей работе по теории иронии Рорти пишет, в согласии с теорией Кац, что ирония «важна для внедрения толерантности и чувствительности» (44).

Еще одной, много более детальной теорией иронии является теория Джона Эвана Сири. Но он тоже полагает, что ирония в конце концов может быть плодотворной, «подходящей для обращения к ядерным проблемам», например (45). Но что если равно вероятным является и то, что ирония имеет своим следствием интолерантность и нечувствительность, как в знаменитом *jeu d'esprit* Деррида о равенстве либеральных республик и Гитлера? Если ниспровержение изнутри является целью различных форм иронии, и кое-кто готов приветствовать «политику ниспровержения» — очевидно, *всякого* ниспровержения (46) — не всякий согласится с тем, что все *должно* быть ниспровергнуто.

Ф.Р. Анкерсмит кое-что знает о слабости позиции Рорти. Что мог Рорти (левый, как он сам окрестил себя) ответить на утверждение Томаса Манна, что «радикализм — это нигилизм. Иронист — консервативен»? Но и Анкерсмит тоже полагает, что «эмансипированное общество — ироническое общество», не понимая того, что ирония Рорти и Мендеса Пинто должна подорвать любое положительное значение эмансипации. Не существует объяснений его заявлению о том, что негативное характеристика не может быть ироническим (47) Анкерсмит утверждает: фраза «это печально» не может быть ироничной, но, очевидно, что многие замечания Мендеса Пинто о печальном конце убийц, пиратов и о его собственных попытках краж и грабежей воистину ироничны (48). Наконец, Анкерсмит предполагает, что только история, а не стоическая политическая наука может научить нас чему-нибудь, но затем доказывает, что история не способна научить нас ничему, полезному в политике (49). Он, кажется, разделяет здесь воззрение Мендеса Пинто, но зачем, в таком случае, вообще публикует свою книгу?

Если сатира Мендеса Пинто является чем-то вроде «меланхоличного и умеренного» опыта, которым Томас Манн заставляет быть этот жанр, то его книга есть «призыв к толерантности» лишь в самом слабом смысле этого слова. Обширные знания мира и путешествия научат его и затем будут учить читателя только о необходимости удалиться в личное убежище перед лицом огромного зла мира. Сатира и ирония векового августинианства Мендеса Пинто и современной ницшеанской чувствительности Манна охватывают то, что звучит в опасной близости к постмодернистской деконструкции либеральных идеалов вроде толерантности.

* Перевод с английского языка выполнен М.Б. Хомяковым. Редактирование перевода — О.В. Волосюк.

Фернан Мендес Пинто (ок. 1514—1583) — купец, солдат, пират, путешественник и дипломат. После 1535 г., когда в Португалии был учрежден трибунал Святой инквизиции, там стали преследовать «новых христиан» и еретиков. Его отец относился к «новым христианам», а потому в 1537 г. на одном из кораблей королевской флотилии Мендес Пинто бежал на Восток, оказался в Эфиопии и Аравии, где угодил в плен к туркам. Освободившись, он какое-то время выполнял доверительные поручения португальских наместников и комендантов, с которыми в 1539—1540 гг. объездил Суматру и различные области Малаккского полуострова. Затем года два он пиратствовал в малайских и китайских морях. В ходе дальнейших странствований он посещал Японию, моря

и земли Сиам, Бирмы, Камбоджи, Тьямпы (современного Центрального Вьетнама), добирался до северных областей Вьетнама, до Явы и Калимантана, Индии. В общей сложности в непрерывных и опасных скитаниях провел лет тринадцать. В конце 40-х гг. XVI в. он познакомился с одним из основателей иезуитского ордена, отцом Франциском Ксавье, с которым побывал в 1551 г. в Японии. В 1554 г. после смерти Ксавье он снова прибыл в Японию, но миссия его успехом не увенчалась, и Мендес Пинто вернулся в Гоа. Покинув иезуитский орден в сентябре 1558 г., он вновь оказался на родине. В 1614 г. в Лиссабоне вышла в свет его книга «Странствия Фернана Мендеса Пинто, где сообщается о многих и многодневных вещах, которые ему довелось увидеть в королевствах Китайском, Татарии, Сорнау, оно же в просторечии Сиам, в Каламиньяне, Пегу, Мартаване и во многих других королевствах и княжествах Востока, о которых в наших западных странах мало или даже совсем ничего не известно». Книга разошлась мгновенно. Столь же быстро разошлись и последующие ее издания — португальские, испанские, английские, голландские и французские (В Мадриде книга Мендеса Пинто издавалась в 1620, 1627, 1628, 1664 и 1666 гг., в Валенсии — в 1645 г., и Лондоне — в 1625, 1653, 1663, 1692 гг., в Страсбурге — в 1625 и в 1671 гг., в Амстердаме — в 1652, 1653 и дважды в 1671 г.). Данный факт для XVII в. почти беспримерный, учитывая огромный объем и высокую цену книги. В общей же сложности, с 1614 по 1964 гг. в разных странах мира вышло в свет не менее ста изданий «Странствий». (Прим. ред.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Mendes Pinto F. Peregrinaçam*, ed. Adolfo Casais Monteiro Lisbon: Impresa Nacional-Casa da Moeda, 1988. Этот текст цитируется по академическому переводу Ребекки Д. Кац: *Catz R.D. The Travels of Mendes Pinto*. — Chicago: University of Chicago Press, 1989. Первый английский перевод имеется в современном репринтном издании под названием *The Voyages and Adventures of Fernand Mendez Pinto*, tr. H. Cogan, 1653. London: Dawsons, 1969. Два других современных перевода изданы в сокращении и без научного аппарата: *Lowery M.*, tr. *The Peregrination of Fernão Mendes Pinto*. — Lisbon: Carcanet, 1992; *Collis M. The Grand Peregrination*. — London: Faber & Faber, 1949.
- (2) *Rorty R. Contingency, irony and solidarity*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- (3) *Said E. Orientalism* (orig. 1978). 2nd. ed., New York: Random House, 1994; *Idem. Culture and Imperialism*. — New York: Knopf, 1993.
- (4) Карен Александр интерпретирует Странствие (*Peregrination*) как средневековое странничество (*pilgrimage*), но с оттенком иронии. Она считает, что «Пинто, как представляется, был ожесточен против него (опыта странничества)». (*Alexander K. Mendes Pinto's Peregrinação and Cabeza de Vaca's relación: Pilgrimages to find God at the ends of the World* // *Portugese Studies Review*. — 1997. — 6. — P. 88.)
- (5) Информация, изложенная здесь, взята из введения к: *Catz R. The Travels of Mendes Pinto...* Читатель также сможет найти очень полезную библиографию.
- (6) *Ibid.* — P. XV. В другом исследовании Кац пишет, что «*Peregrinação* представляет собой глубокое исследование моральной и религиозной философии. Ее тезис — «грех и наказание»; причем грех рассматривается как преступление против Бога, и, в свою очередь, получает должное наказание от руки Божией (*Catz R. Consequences and Repercussions of the Portuguese Expansion on Literature* // *Portugese Studies*. — 1992. — 8. — P. 122). Проблема заключается, однако, в том, что и невинность подвергается такому же наказанию. Кац является также автором двух основательных монографий о сатире Мендеса Пинто: *Catz R. A Sátira Social de Fernão Mendes Pinto*. — Lisbon: Prelo, 1978; *Idem. Fernão Mendes Pinto: Sátira e Anti-cruzada na Peregrinação*. — Lisbon: Ministerio da Educação, 1981. См. также более раннюю книгу *Saraivo A.J. Fernão Mendes Pinto, ou a sátira picaresca da ideologia senhorial*. — Lisbon, *Jornal do Porto*, 1958. Для нас остается загадкой, почему Сарайво полагает, что эта сатира направлена только против идеологии дворянства.

- (7) И все же большое число ученых принимает это произведение Локка за парадигму толерантности. См., например, *Laurson J.C., Nederman C.J. Problems of Periodisation in the History of Toleration // Storia della Storiografia / History of Historiography. — 2000. — 37. — P. 55—65.*
- (8) Кажется, нет никакого основания предполагать знакомство Мендеса Пинто с произведением Рабле. В отличие от текста Рабле в книге Мендеса Пинто нет ничего непристойного: она ограничивается лишь описанием хулиганских приключений. «Цветы сливы...» в английском переводе публикуются как: *Xiaoxiao Sheng. The Plum in the Golden Vase, or Chin P'ing Mei. Xiaoxiao Sheng* — в переводе с китайского означающий «насмешник, насмехающийся ученый» — это псевдоним автора книги. В русском переводе автор и название книги публикуются следующим образом: *Ланлиньский насмешник. «Цзинь, Пин, Мэй. Цветы сливы в золотой вазе».*
- (9) Аннотированную библиографию об этих авторах см. в: *Religious Toleration: «The Variety of Rites» from Cyrus to Defoe. Laurson J.C., ed. — New York: St. Martin's Press, 2000.*
- (10) *Catz R. The Travels of Mendes Pinto... — P. XXVII.*
- (11) *Ibid. — P. XLI.*
- (12) *Ibid. — P. XXVIII.*
- (13) *Schiller F. Naïve and Sentimental Poetry (1795). — New York: Ungar, 1966.*
- (14) Так, например, английский драматург Уильям Конгрив (William Congreve) в 1695 г. мог предположить, что его аудитория поймет, когда один персонаж «Любви ради любви» (Love for Love) говорит другому: «Мендеса Пинто был вроде тебя, ты — лжец!». Цит. по: *Catz R. The Travels of Mendes Pinto... — P. XXVII.*
- (15) См. *Buell P.D. Fact and Fancy in Fernão Mendes Pinto's Account of China // Crossroads (University of Washington). — 1990. — Vol. 1. — P. 71—86; Catz R. The Travels of Mendes Pinto... — P. XXVIII.* Таким образом, Томас Р. Харт ошибается, утверждая, что «как языки (цитируемые в книге), так и сами речи, очевидно, выдуманы Мендесом Пинто». См. *Hart Th.R. True or False: Problems of the Peregrination // Portuguese Studies. — 1997. — Vol. 13. — P. 40, 42.* Эта двойственность выражена и в видеофильме Паблик Медиа Инкорпорейтед (Public Media Inc.), а именно в четвертой серии «Поиска морского пути на Восток» (The Search for the Sea Route to the East). Эта серия озаглавлена «Сказка лжеца» (A Liar's Tale), тогда как в аннотации сказано: «Информация удивительно точна, даже и для сегодняшнего дня».
- (16) *Said E. Orientalism... — P. 3.*
- (17) *Occidentalism: Images of the West. Carrier J.G., ed. Oxford, Clarendon Press, 1955.*
- (18) *Catz R. The Travels of Mendes Pinto... XV.* В своей рецензии на перевод Кац Майкл Лоуер пишет, что книга Мендеса Пинто «представляет собой антиэпос европейской экспансии в течение последних пятисот лет» и «имеет прямое отношение к сущности современных дискуссий о европейском колониализме». См.: *Portuguese Studies. — 1990. — 6. — P. 211.*
- (19) В абсолютных числах, однако, в книге азиаты убивают большее число азиатов, и притом гораздо более жестоким путем, нежели это делают европейцы. Часто Мендес Пинто пишет о шоке португальцев перед лицом жестокости азиатов друг к другу, и в особенности к женщинам. Поскольку среди португальцев не встречается аналогичных жестокостей такого масштаба, нет никаких оснований читать эти описания как сатиру; быть может, это — одна из тех немногих вещей, над которыми Мендес Пинто не смеется.
- (20) *Clarke J.J. Oriental Enlightenment. — New York: Routledge, 1997.*
- (21) Их почва все же не столь незыблема. Только для того, чтобы показать сложность понимания таких текстов, следует упомянуть тот факт, что на первой конференции, где был прочитан этот доклад, Мартин и Ивана Элбл из Трентского университета заявили, что если читать *Os Lusíadas* вслух, поэма вполне может звучать как сатира. Если это верно, то можно предположить, что Камозэнс вел очень тонкую игру: для того чтобы удовле-

- творить своих патронов и рынок, он пишет явно патриотическое произведение с безупречными текстами, которые, однако, все же несут в себе некую подрывную информацию, будучи прочитаны вслух. См.: *Santos J.C. dos From Myth to Reality: The Portuguese Literature of the Discoveries // Portuguese Studies Review*. — 1999. — 7. — P. 129—142, 139: Вполне возможно, что Камоэнс, хотя и верил в важность этого плавания в Индию, одновременно в нем и сомневался. См. также статью Хелдера Маседо, обнаруживающую у Камоэнса скрытую ностальгию по вергилиевым пасторалям. *Macedo H. The Luciards: Epic Celebration and Pastoral Regret // Portuguese Studies*. — 1990. — 6. — P. 32—37.
- (22) У Мендеса Пинто нет явных ссылок гуманистического характера на античных авторов. Можно найти лишь одну отсылку к Мениппу из «Диалогов мертвых» Лукиана, который не может изменить тех пороков, с которыми сталкивается. См.: *Relihan J.C. Menippus in Antiquity and the Renaissance // The Cynics: The Cynic Movement in Antiquity and its Legacy*. R. Brahet Braham and M.-O. Goulet-Cazé, eds. — Berkeley: University of California Press. — 1997. — P. 276, 291. См. также примечание ниже.
- (23) *Rowland B. Seven Kinds of Irony // Earle Birney, Essays on Chaucerian Irony*. — Toronto: University of Toronto Press, 1985. — P. XV—XXX. Здесь эти семь видов иронии напоминают об амбивалентности связанных друг с другом терминов, которыми некоторые могут пытаться определить иронию. *Empson W. Seven Types of Ambiguity*. — London: Chatto and Windus, 1963.
- (24) *Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage*, 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 1965. — P. 253.
- (25) Кац дает полезную классификацию сатирических и иронических средств Мендеса Пинто в виде набора ролей: 1) *vir bonus*, добрый муж, ужасающийся увиденному; 2) возмущенный защитник веры; 3) *ingénu* или невинный простак, не понимающий того, с чем он сталкивается, и 4) плут (*picaro*), участвующий в осуждаемом им зле (*Catz R. Fernão Mendes Pinto: Sátira...* — P. 14; *Idem. The Travels of Mendes Pinto...* — P. XXXIX—XL).
- (26) Это могло бы напомнить читателям об августиновом *De Civitate Dei*, 4.4. и цицероновом *De Re Publica*, III. 14, но Мендес Пинто не показывает своей образованности. О Фариа см. *Catz R. Fernão Mendes Pinto: Sátira...* — P. 36—64.
- (27) *Catz R. The Travels of Mendes Pinto...* — P. XI. См. также: *Idem. Fernão Mendes Pinto: Sátira...* — P. 69—72; *Nagel R. Der unbekannte Fernão Mendes Pinto // Aufsätze zur portugiesischen kulturgeschichte*. — 1984—87. — 19. — P. 92. Никто из авторов не задает того вопроса, который мы ставим здесь.
- (28) Кац утверждает, что «жестокость и разрушительность действий татарских завоевателей» являют собой внутреннюю аналогию действиям португальцев. *Catz R. The Travels of Mendes Pinto...* — P. XLII.
- (29) *Dryden J. Discourse concerning the Original and Progress of Satire // The Works of John Dryden*, vol. 4, eds. A.B. Chambers and William Frost. — Berkeley: University of California Press, 1974. — P. 55, 77, 80—81.
- (30) *Xiaoxiao Sheng. The Plum in the Golden Vase, or Chin P'ing Mei. Volume One: The Gathering*. Roy David T., tr. Princeton: Princeton University Press, 1993. — P. 6.
- (31) *Wu Y. In Search of Satire in Classical Chinese Poetry and Prose // Tamkang Review*. — 1998. — Vol. 28. — P. 1—39; *Idem. Can Satire be Merciful?: The Case of the Sixteenth-Century Chinese Classic Jin Ping Mei // Chinese Culture*. — 1998. — Vol. 39. — P. 89—120.
- (32) *Mann Th. Reflections of an Unpolitical Man*. Tr. W.D. Morris. — New York: Ungar, 1983. [orig. *Betrachtungen eines Unpolitischen* (Berlin: Fischer, 1918)]. — P. 13.
- (33) *Ibid.* — P. 422. Если Мендес Пинто и Манн и следуют какой-либо античной традиции, то, вероятно, именно той, которая отражена в «Диалогах мертвых» Лукиана.
- (34) Жоао-По Рубьес, на наш взгляд, пропустил здесь иронию, утверждая, что Франциск Ксавье «стал абсолютным победителем японских бонз в теологическом споре», и заклю-

чая, что здесь просматривается «окончательное примирение писателя с правилами его общества». Он даже называет этот эпизод «вполне ортодоксальной концовкой!» *Rubies J.-P. The Oriental Voices of Mendes Pinto // Portuguese Studies*. — 1994. — Vol. 10. — P. 40—41. Тот же автор пишет, что утверждение Мендеса Пинто о Сиаме как об «одном из наилучших царств мира, которое завоевать и удержать легче, нежели другие провинции» не является «ни сатирическим, ни ироническим». *Ibid.* P. 41. Однако если это царство столь хорошо, то почему его так легко завоевать? В других местах Мендес Пинто упоминает о наличии у богатейших властителей большого количества прекрасно вооруженных солдат только для того, чтобы затем указать, что горстка португальцев легко одерживала над ними победу.

- (35) Это, вероятно, ответный удар Мендеса Пинто на обыкновение иезуитов вымарывать имена оставивших орден из своих записей и никогда не упоминать их впоследствии. Однако одно из писем Мендеса Пинто в Португалию уже было опубликовано: см. *Cargas de Fernão Mendes Pinto e outros documentos*. Catz R., ed. Lisbon: Presença, 1983.
- (36) См., например, *Winius G.D. Millenarianism and Empire: Portuguese Asian Decline and the 'Crise de Conscience' of the Missionaries // Itinerario*. — 1987. — Vol. 11. — P. 37—51.
- (37) Он мог быть связан и с семьей Мендеса, контролировавшей торговлю пряностями в Антверпене в первой половине XVI века. *Roth C. The House of Nasi: Doña Gracia*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1947. — P. 3—16. Португальские нацистские писатели 1940-х гг. прилагали все усилия к тому, чтобы подчеркнуть, что Мендес Пинто не был евреем: см. *Cortês A. Fernão Mendes Pinto não era de origem judaica // Seara Nova*. — 842. — 2 October 1943. Однако Мендес Пинто никогда не упоминал, что за инцидент потребовал от него в 1533 г. весьма спешно оставить дом аристократки, нанявшей его в слуги (гл. 2), но это вполне могло быть и то, что его застали за отправлением иудейского культа.
- (38) *Margarido A. La Multiplicité des sens dans l'écriture de Fernão Mendes Pinto // Arquivos do Centro Cultural Português*. — 1977. — Vol. 11. — P. 159—199. Не всегда ирония Мендеса Пинто была замечена от того, что разнообразные переводы часто подчиняли материал идеологическим целям (например, протестанты опускают упоминание о Фрациске Ксавье), а также из-за нечувствительности переводчика к иронии или же из-за сокращений. См. *Catz R. A Sátira Social...* — P. 284—85 об английских и испанских переводах, и *Nagel R. Der unbekante Fernão Mendes Pinto...* — P. 89 о том, как немецкий перевод изменил смысл книги.
- (39) *Catz R. The Travels of Mendes Pinto...* — P. XIV.
- (40) *Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity...* — P. XV.
- (41) *Catz R. The Travels of Mendes Pinto...* — P. XV
- (42) *Ibid.* — P. 87.
- (43) Джин Элштайн называет подобную стратегию «классовым снобизмом» Рорти. *Elshstain J. Don't be Cruel: Reflections on Rortyan Liberalism // The Politics of Irony*. Conway D.W. and Seery J.E., eds. — New York. St. Martin's Press. — P. 202. Когда же Рорти хочет воодушевить неинтеллектуальные массы, он сочиняет простой и неироничный текст, типа оды «Американским Левым». *Rorty R. Achieving Our Country*. — Harvard University Press, 1998.
- (44) *Rorty R. Robustness: A Reply to Jean Bethke Elshstain // The Politics of Irony...* — P. 223.
- (45) *Seery J.E. Political Returns: Irony in Politics an Theory from Plato to the Antinuclear Movement*. — Boulder: Westview, 1990.
- (46) *Lang C. Irony/Humor; Critical Paradigms*. — Johns Hopkins University Press, 1988. — P. 66.
- (47) *Ankersmit F.R. Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value*. — Standford University Press, 1966. — P. 164, 228, 237.

- (48) О частом употреблении восклицания «О, я несчастный!» у Мендеса Пинто см. *Correia J.D.* Une lecture de Peregrinacao de Fernao Mendes Pinto // Arquivos do Centro Cultural Calouste Gubenkian. — 1993. — 32. — P. 43—58.
- (49) *Ankersmit F.R.* Aesthetic Politics... — P. 173, 212.

IRONY AND TOLERATION: LESSONS FROM THE TRAVELS OF MENDES PINTO

John C. Laursen

Department of Political Science
University of California
900 University Avenue, Riverside, CA 92521, USA

Rebecca Catz argues that Fernao Mendes Pinto's «Peregrination», a sprawling account of travels in the East first published in 1614, is a «plea for toleration». Richard Rorty says that irony is a good mode for postmodern intellectual life. But attention to the text suggests «that Mendes Pinto provided» a much more subtle and nihilistic irony than Rorty imagines, and that his text is a plea for toleration in only the most attenuated sense.

Key words: Fernao Mendes Pinto, satire, irony, toleration.